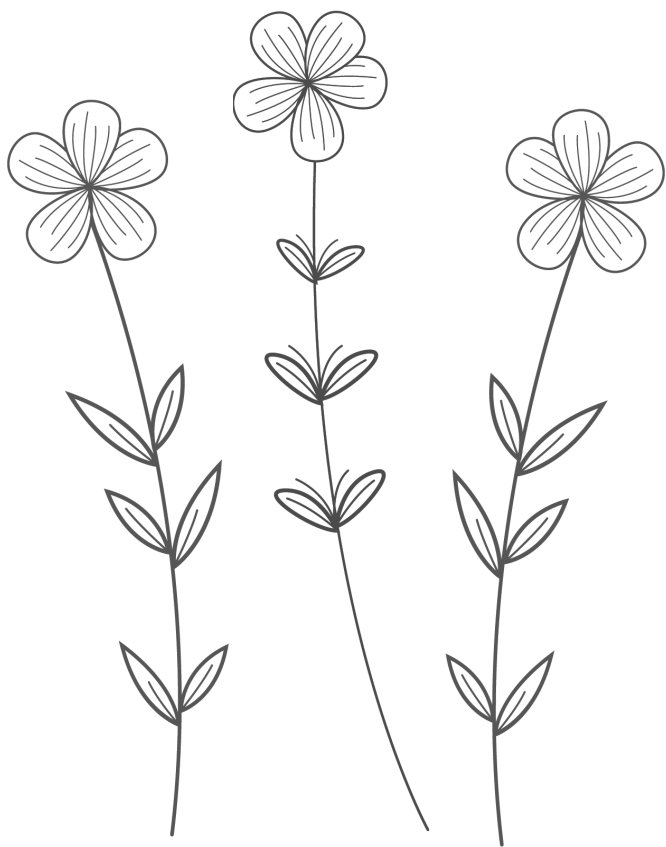

МОЙ
ПЕРВЫЙ РОМАН

ЕЛЕНА ГАБОВА

ВЕТЕР
ВЛЮБЛЁННЫХ

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г12

Рисунок на обложке
Д. Лапшиной

Габова, Елена.

Г12 Ветер влюблённых: [повесть] / Елена Габова; худож. Д. Лапшина. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 158, [2] с. — (Мой первый роман).

ISBN 978-5-17-161790-5.

Елена Габова — известная детская писательница, Народный писатель Республики Коми, автор множества книг для детей и подростков.

«Ветер влюблённых» — продолжение повести «Затмение сердца». Ветка с Лёвой порой мечтали, что они окажутся в старой Лёвкиной квартире и будут там пить чай с сухариками. Но суждено ли этой мечте сбыться, если Лёва и Вета сейчас даже не общаются?

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Габова Е., 2024
© Лапшина Д. Ю., рис. на обл., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

— ...Музыка созвучна Экзюпери, —
сказал Лёва. — Его Маленькому Принцу.
Вам не кажется?

Это было последнее, что я услышала
уже издалека. И вообще, что услышала.

Лёва и Светлана Евгеньевна раствори-
лись в мареве снегопада.

Что созвучно Маленькому Принцу?

Хочу знать! Хочу слышать! Как раньше!
Идти с Лёвой по снегопаду и слушать
одну и ту же музыку! Я хочу! Хочу! По-
чему это стало невозможным?

— Это чё, Капитонов был? — спроси-
ли за спиной.

Что? Кто сказал? Слова произнесли как
будто внутри меня. Причём голосом За-
хара. Потому что не мог же он стоять за
спиной.

А может, я сплю? Кто это?

Медленно повернула голову.

Захар в своей лыжной шапочке с ко-
зырьком стоял за мной и шурился. Всегда

эту шапку носит. Пушистые белые снежинки падали на пушистые чёрные ресницы, от которых меня ещё недавно бросало то в жар, то в холод.

— Что? — спрашиваю я. И не узнаю своего голоса. Он глухой и незнакомый.

— Капитонов, што ли, вышел, спрашиваю. А кто с ним? Не узнал. На какую-то из наших училок похожа.

Я медленно и молча иду по белой улице. Мне хочется плакать. Мне мешают плакать. Захар.

— Эй, Ветка... Слышь?

Кислицин топает рядом. Мы сталкиваемся плечами. А потом уже и не сталкиваемся, потому что он меня обнял за плечи. Я стряхиваю его руку с плеча, как мешающую мне ветку.

— Не надо, Захар.

— Не надо, не надо... ладно, — ворчит он. — Так это точно — Капитонов? А ты как тут оказалась, Покровская? Случайно?

Я молча мотаю головой. Вправо, влево, вправо, влево... Летят снежинки... вправо, влево, вправо, влево, вниз... вниз...

— Нет.

— Ты чё знала, что он тут?

Я киваю: знала.

— Он, чё, тут бывает?

Снова мой кивок.

— Он чё, и здесь, и в школе? Вундеркиндер?

— Только здесь. Он перевёлся, Захар.

— Ни фига себе. А я и не знал. А ты шпионишь за ним, да?

— Захар...

— Ну, я Захар. Я, Кислицин Захар.

— А как ты здесь оказался?

— Ну, я за тобой шёл.

— Зачем?

— Шпионю.

— Зачем?

— А зачем ты за мной ходила? — Захар начинает злиться. — Встречала меня из спортклуба? Зачем, а?

— Не знаю.

— Не знаешь? Ты чё, дура, что ли? Сначала я. Потом Капитонов. А потом — кто? По цепочке — да? Скажи, да? Значит, будет и ещё кто-то после Капитонова, да?

Захар возвышался надо мной. Смотрел на меня сбоку, изо рта вырывались злые слова. Злые злова.

— Не знаю. Захар, отстань, а? Прошу.

— А кто со мной целовался? Или это мне снилось?

— Прости. Не злись. Пожалуйста.

— А кто меня в театр приглашал? По-моему, это всё делала одна и та же девчонка!

Молчу. А что тут скажешь? Только согласишься. Полное затмение сердца.

Захар остановился передо мной, схватил меня за плечи и потряс.

— Покровская!.. Ну погляди на меня, блин!

Смотрю. Ресницы. Глаза. Волосы из-под шапки. Чёрные, прямые, как у японца. Лицо перечёркивает снег. Снег так и идёт, как шёл, большой, пушистый. Снежинки, сцепившись, вновь упали на его ресницы. Он их сдул. Новые на ресницы сели.

— У тебя на ресницах снег, — я улыбнулась.

Я сняла перчатку и потрогала его ресницы со снежинками. Они сразу растаяли. Вот она, эфемерность, непостоянство: снег, вода, ничего. Захар схватил мою руку. Прижал к губам, как тогда в школе. Только тогда он её просто прижал. А сейчас взял, ткнулся в неё губами и поцеловал, а потом прикусил кожу.

— Не надо, Захар. Щекотно.

— Щекотно? В чём дело? Может, объяснишь? Почему — Капитонов? В чём я провинился? А?

— Ни в чём. Просто всё поменялось местами.

— Чё поменялось-то? Чё? Я не поменялся! Вот, смотри!

Захар становится передо мной. Растопырил в стороны руки.

— Вот он, я! Кислицин! Захар! Анатольевич!

— Захар, не шуми. Не шуми, пожалуйста. На нас смотрят.

— Да пусть смотрят! А ты на другого смотришь, мне чё, его убить?

— Захар, — говорю как можно спокойнее. Меня успокаивает снег, спокойный, медленно летящий. Снежинки, казалось, выбирали место, прежде чем упасть на землю. — Всё равно же ты меня не любил. Никогда. Ты всегда меня мучил.

— Не любил, да? — шипит Захар. — Мучил? — он щурит глаза, кривит лицо, становится некрасивым, злым гоблином. — А теперь, может, люблю? А? Сама говоришь — всё поменялось!

Я с силой отталкиваю его от себя двумя руками и бегу по белой улице.

Нет, не любит! Ему кажется!

Быстро бегу, словно сдаю норматив по физре. Я боюсь, что он бросится меня

догонять. Он спортсмен, он меня в два счёта догонит.

Я влетела в торгово-развлекательный комплекс. Как раз на первом этаже в одном из залов кончился киносеанс и оттуда повалили зрители. Я смешалась с толпой. Повернувшись, увидела у входа в комплекс Кислицина. Вот ненормальный! И сюда явился. Решил выяснить отношения до конца? А что такое — выяснить их до конца? Как первокласснику ему разжевать: «Не люблю тебя больше. Не знаю, не знаю, не знаю почему. Так получилось». Но он не поймёт. Конечно, нет! Если я сама ничего не понимаю!

Я могла бы ускользнуть от Кислицина через другой выход — здесь их было три или четыре. Но я здорово струсилась. И подумала, что он всё равно вычислит. Я не хотела выяснять отношения. Это глупо! Зачем их выяснять, если никто ничего не знает? Жизнь оказалась такой странной, она может поменяться буквально за день. А вдруг мне снова будет дорог Захар, а к Лёве я буду равнодушна? Меня в жар бросило, когда я об этом подумала. Температура подскочила буквально до ста градусов. Нет, нет, нет! Лёва и только

Лёва! Захар — навсегда за спиной, он — навсегда прошлое.

Я штопором ввернулась в толпу зрителей и пошла против течения.

— Простите, я сумку забыла, сумку забыла, — бросала я людям, недовольным, что их расталкивают.

Передо мной нехотя расступались.

Я влетела в тёмный пустой зал. Шлёпнулась в какое-то кресло и тупо уставилась в темноту. Сбоку в натяжном потолке горели четыре лампы вроде ночников. Горе, которое я испытала, увидев Лёву со Светланой Евгеньевной, притупилось. Его притупил Захар. Я даже испугалась его, честное слово. Я поняла, что с Кислициным будут проблемы. Прямо завтра же в классе начнутся разборки. Ух, как я этого не люблю!

Не знала, что Кислицин такой ревнивый. Прямо Отелло!

Трудная эта штука — любовь. Приходится расплачиваться за неё.

Но ведь я сказала Захару правду! Всё резко поменялось! Теперь для меня Лёва такой же недостижимый, каким ещё недавно был Захар. С ума сойти! Мир и вправду перевернулся. И как быстро, и как незаметно. Всё тот же учебный год. Всё та же зима.

В зале зажётся неяркий свет.

— Это кто тут сидит? — я очнулась от женского голоса. — Кино давно кончилось, а она — сидит!

Уборщица с веником идёт по рядам. Сметает остатки попкорна, полоски билетов.

— Выметайся, выметайся давай!

«Выметайся». Как будто я мусор.

Я вымелась и медленно побрела в сторону дома.

А на улице была такая красотища. Просто кошмар. Снег, снег, снег... так много снега, как будто снегопады всего мира перекинулись на наш город. И нас сейчас завалит. Завалит меня, Лёву, Захара. Всех завалит. Не останется ничего. Только красивое белое безмолвие.

Все страсти исчезнут. Всё будет белое-белое.

Белый чистый ноль. Снежные Помпеи, понимаете, да?

Около моего дома стоял Захар. Я увидела его и отшатнулась. Да что такое? Может, Кислицын мне уже мерещится в снегопаде?

— Ты чего тут, Захар? — спросила с опаской.

— Заходи, пожалуйста, Покровская, —
неожиданно вежливо ответил Захар. —
Я не тебя жду.

— А кого?

— Ты чё, тупая? Кто с тобой на лест-
ничной площадке живёт?

— Иди домой, Захар.

— Сама иди.

— Захар... Что ты, в самом деле? Ведь
я же с ним не встречаюсь! С Капитоновым-
то!

— Кто тебя знает. Я у него спрошу.
И если встречаешься... — голос Захара
стал угрожающим.

— Захар. Ты же видел, он с другой де-
вушкой.

— Может, он с ней просто учится
в одном классе... э-э... группе... детско-
садной... Или что там у них?

— Нет, не учится. Он с ней. Он про-
сто с ней.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, Захар, — я грустно усмехну-
лась.

Удивительно красивые у него ресницы.

— Ну ладно. Смотри, если врёшь.

— Споки ноки, Кислицин.

— И тебе. Вот вы, девки, дуры. — Захар
отклеился от стены подъезда и побрёл.

Длинный, широкоплечий. Как он вытянулся за последний год. Совсем стал взрослый.

Сначала он шёл медленно, словно нехотя, словно размышляя, не вернуться ли обратно. А потом убыстрил шаг и почти побежал.

Собственник! Ни за что бы раньше не подумала.

Я ещё постояла у подъезда посреди тишайшего снегопада, который гулял по городу в пуховых уггах, с грустью размышляя о том, что ещё недавно мечтала о времени, когда мы с Захаром, именно с ним, рядышком пройдем по улице... Вечером, не спеша. Держась за руки. Сегодня мы могли пройти именно так! Обнявшись! Время от времени останавливаясь и целуясь. И вот прошлись. Но совсем не так, как мечталось! Почему?

В этот вечер мне даже видеть его рядом с собой не хотелось! Полнейшее спокойствие по отношению к Захару Кислицину. Спокойствие и снег в душе.

А Лёва со Светланой Евгеньевной... Может быть, как раз в это время идут рука об руку по такой красоте... Может,

целуются... От этой мысли меня пробил озноб, и я нырнула в тёплый подъезд.

Поднялась на лифте на свой этаж. Посмотрела на дверь Лёвкиной квартиры. Позвонить? Вдруг он уже дома, и они совсем даже не целовались и совсем даже не шли вместе, а просто вышли из здания колледжа. Случайно встретились там в раздевалке.

Узнаю, что он дома, и сразу успокоюсь. «Позвони! Узнай!» — толкало сердце. Да, но что я ему скажу, если он выйдет? Что? Ведь он смотрит на меня как на пустое место. «Не звони. Не узнавай», — не позволяла гордость. Гордость грозит мне кулаком. Я ей повинуюсь. Я стала старше. Я не хочу перед Лёвкой унижаться так, как унижалась перед Захарычем.

Перед сном пришла эсэмэс.

Убью твоего Капитонова!

Захар. Ну а кто же? Ни за что бы раньше не подумала, что он такой.

Мир такой жестокий. Просто жуть.

На следующий день я еле дождалась десяти утра, когда открылась школьная

